

УДК 303**DOI: 10.34670/AR.2022.55.75.013****Социокультурная обусловленность познания: идеология и наука****Костина Анна Владимировна**

Проректор по научной, воспитательной и международной деятельности,
доктор философских наук, доктор культурологии, профессор,
Московский гуманитарный университет,
111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

Аннотация

В статье показано, что вопрос о социокультурной обусловленности познания поднимается постоянно – и в теоретическом ключе, выступая как элемент социологии и философии науки, и в обыденно-прагматическом, будучи связанным с вопросами ангажированности тех или иных идей и зависимостью взглядов ученого от занимаемой им социальной позиции. Автор раскрывает закономерности развития науки как социального явления, показывает обусловленность идей и позиций, доминирующих в обществе, социокультурной ситуацией, в рамках которой они провозглашаются. На протяжении XX - начала XXI века социально-политический контекст оказал непосредственное влияние на такие понятия, как массовая, элитарная, народная культура. Массовая культура первоначально трактуется как культура пролетарских масс, в период 1960-1970-х гг. – как средство манипуляции сознанием и отвлечения от решения актуальных социальных задач, после 1990-х – как формирующая каналы коммуникации. Значения элитарной культуры трансформируются соответствующим образом – от высокой и усложненной, спасающей культуру от омассовления – до буржуазной и чуждой народу, а затем – как специализированной и усложненной. Народная культура в начале XX в. рассматривается как нечто сверхценное, после 1917 г. – как патриархальное, противостоящее культуре пролетарских масс, с 1960-х гг. – как совокупность высоких образцов национального наследия.

Для цитирования в научных исследованиях

Костина А.В. Социокультурная обусловленность познания: идеология и наука // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 104-113. DOI: 10.34670/AR.2022.55.75.013

Ключевые слова

Массовая культура, народная культура, элитарная культура, социология знания, социальная обусловленность науки.

Введение

Вопрос о связи научных идей и концепций, доминирующих в обществе, был проблематизирован совсем недавно – лишь в XIX веке. Родоначальниками социологии познания стали К. Маркс и К. Мангейм, впервые поставившие задачу исследовать связи, существующие между познавательными процессами и результатами исследований и тем социокультурным контекстом, в рамках которого эти процессы протекают. К. Маркс мыслил практически – он показал зависимость возникновения теорий от характера общественной структуры и доминирующих в нем классов, где концепции «трех факторов производства» и «земельной ренты» могли сформироваться только в рамках буржуазного общества. Более того, как показал Э. Дюркгейм, особенности общества и его культуры определяют такие базовые характеристики мышления и восприятия мира, как представления о пространстве, времени, о причинности событий и явлений, а также сами способы познания мира, классификации событий, применения методов исследования.

Эти открытия трудно переоценить. Они показали, что наука, во-первых, опосредуется накопленной системой знаний и сформированной под ее влиянием системой мышления; во-вторых, объективна в той мере, в которой она связана с доминирующими в обществе идеями и представлениями; в-третьих, выступает как часть культуры и развивается вместе с культурой, выполняя тот же комплекс функций; в-четвертых, сама выполняет мировоззренческую функцию, формируя картину мира.

Так, новоевропейская наука обусловлена не только формированием индустриального общества и машинного производства, но, в первую очередь, теми принципиальными изменениями восприятия мира, которые сложились под влиянием протестантизма, рационализации сознания, распространения трудовой этики. Эта закономерность развития науки проявляется в равной степени как в естественнонаучном знании, так и, причем в гораздо большей степени, в гуманитарном. Таким образом, наука тесно связана со всем экономико-промышленным, идейно-смысловым контекстом, в котором она развивается и реализуется. Социально-экономические факторы оказывают влияние на выбор проблем исследования, постановку задач, формулировку гипотез, методологию исследования, в социально-гуманитарном знании – порой и на научные результаты. Это именно та ситуация, которая позволила М.Н. Покровскому, политику-большевику и «главному» историку первого 15-летия советской власти, назвать историю «политикой, опрокинутой в прошлое» [Душенко, 2018].

Есть еще одна принципиально важная особенность развития научного знания. В отличие от живых систем, приобретающих новые качества и усложняющихся в своей структуре объектов живой природы, знание развивается не постепенно-эволюционно, накапливая все больше информации и преобразуя ее в законы, а принципиально не линейно, в соответствии с возникающими парадигмами, предлагающими новую концепцию мира и его развития. Именно поэтому в рамках научного познания классическая модель сменилась сначала неклассической, затем – постнеклассической. Важно понять, что эта смена означала не просто увиденную, описанную и предложенную отдельным гениальным ученым модель, которая предлагала новую модель реконструкции истории и причинности событий и которая стала рассматриваться как некое «открытие». Эта смена свидетельствовала об изменении самой социокультурной действительности, описанию и верификации которой прежняя исследовательская парадигма не отвечала, что и привело к появлению новой [Мамчур, 1987, 4-6].

Данная закономерность была описана в 1960-е гг., как раз в момент появления синергетики,

постмодернистских теорий и самой постнеклассической науки, в работе Т. Куна «Структура научных революций» [Кун, 2003]. Автор показал, что появление новой парадигмы важно тем, что оно дает «модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Кун, 2003, 11], служит неким эталоном решения сходных проблем, направляющим исследование в конкретное русло, определяемое данной совокупностью методологических установок. Парадигма выступает как набор определенных задач, которые заслуживают рассмотрения, а также специфических техник, с помощью которых ученые данной эпохи решают те или иные задачи [Огурцов, 1983, 477]. Эта особенность парадигмы предопределяет заранее сам «тип получаемых в процессе эмпирического исследования фактов» [Парадигма, 2006]. Именно поэтому можно говорить о том, что парадигма задает особенность восприятия реальности, которую исследует ученый под определенным углом зрения.

При этом в рамках гуманитарного знания наличие нескольких парадигм вполне возможно, в то время как для естественнонаучного знания это характерно в гораздо меньшей степени. Поскольку в последние полвека усиливается внимание к вопросам защиты человека и человечества, постольку наблюдается очевидное изменение соотношения между естественными науками и науками об обществе в пользу вторых. А в связи с тем, что наличие нескольких парадигм для гуманитарных наук является фактом естественным, то иногда у не посвященных в особенности развития гуманитарного знания создается иллюзия неточности, необъективности гуманитарного знания. Причем, на результаты исследования влияет не только научная парадигма, не только социокультурный контекст, но и сама групповая принадлежность автора исследования, что еще более расширяет возможность различных интерпретаций, не лишаящихся при этом, однако, своего научного характера.

Основная часть

Все сказанное позволяет говорить о том, что наука в соответствии со своей основной функцией направлена на выработку и систематизацию знаний о действительности, носящих объективный характер. При этом научное знание, в первую очередь, гуманитарное, самым непосредственным образом связано с содержанием той эпохи, в рамках которой оно разворачивается. И это закономерно, так как наука призвана отвечать на самые актуальные запросы общества. При этом, как автор отмечал ранее, «многие из феноменов, анализируемых прежде в критическом плане, начинают рассматриваться как образования исторически неизбежные, органично связанные с обновленными социальными структурами, как выполняющие ряд важных функций. И, напротив, многие из них, рассматриваемые в апологетическом ракурсе, в условиях новых идеологических установок переосмысливаются, явно нуждаясь в уточнении» [Костина, 2010, 57]. Соответственно, науку можно рассматривать как феномен исторически, социально и культурно обусловленный.

В гуманитарной науке данное положение носит характер чуть ли не «общего места». Это обусловлено тем, что «науки о культуре» поставляют в настоящее из прошлого те типы поведения и те образы, которые воспринимаются, как идеальные. Но идеалы имеют социокультурную опосредованность, именно поэтому Иван Грозный и Петр I предстают то в качестве собирателей и защитников русских земель, то в качестве деспотов, наводящих ужас на подданных, а сама история России предстает в рамках то норманнской теории, развиваемой Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым, то центристской, отстаиваемой М.В. Ломоносовым, то славянской, обоснованной Б.А. Рыбаковым. И это не лишает науку своей объективности, но

свидетельствует лишь о том, что среди различных гипотез, которые образуют проблемное поле любой науки, наиболее востребованными, отвечающими общественному запросу, оказываются определенные из них.

Это положение может быть воспринято как дискуссионное – так как наука по определению должна стремиться к отображению реальности в наиболее объективном ее варианте, в пределе - единственном. Однако природа естественного и социального знания принципиально различна. Это было очевидным уже в XIX веке, где были выделены «науки о природе» и «науки о духе», которые неокантианцами стали рассматриваться, как «науки о культуре». И именно неокантианцы доказали отличие первых от вторых, показав, что науки о природе стремятся к генерализации и выведении всеобщих законов, так как физические свойства Земли – гравитация, плотность, давление, упругость, наличие магнитного и теплового полей – универсальны и проявляются одинаково во всех точках планеты и во все периоды ее исторического развития. В отличие от наук о природе, науки о культуре основываются на принципе индивидуализации, и задачей самого гуманитарного знания становится выделение специфического в каждой культуре, ее эталонных состояний – того, что позволяет отличать ее от всех других. Неокантианцы (Г. Коген, В. Виндельбанд, Г. Риккерт) показали, что эти отличия содержатся в том, что создано самим человеком – это представление о цели, моральном благе, ценностях. И эти отличия составляют суть каждой культуры – и в пространственном, и временном аспектах.

Примеров таких различных интерпретаций достаточно много в рамках любой культуры. Одним из них является содержание исследовательской традиции таких феноменов, как массовая, элитарная, традиционная культура.

Если понятие «массовая культура» формируется достаточно поздно – примерно в середине XX века, то понятие «масса» было введено в научный оборот в конце XIX века, что было обусловлено формированием массового общества и массы как нового социального феномена. Достаточно сказать, что именно приход массы многие отечественные и зарубежные философы рубежа XIX-XX веков считали причиной кризиса культуры. Н. Бердяев, Н. Данилевский, К. Леонтьев, С. Булгаков, С. Франк, Н. Лосский, Л. Шестов, О. Шпенглер, З. Фрейд – все они считали омассовление культуры причиной ее упадка: «Кабак прошел в книгопечатание... К концу XIX века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература – почти исчезла» [Розанов, 1990, 252]. Этот новый тип культуры – «культуры кабака», по В.В. Розанову, - виделся как противоположный и элитарной культуре с ее высокими смыслами, и народной культуре, воплощающей многовековой духовный и материальный опыт поколений.

Массовая культура, впервые став предметом исследования в 1940-х гг., первоначально рассматривалась в критическом ключе. Это отвечало идеологии теоретиков Франкфуртской школы социальных исследователей [Маркузе, 2002; Фромм, 2004], К. Мангейма, Х. Арндт, Э. Ледерера, которые абсолютно верно указали, что в капиталистическом обществе с доминирующим конвейерным производством все, что создается человеком, представляет собой результаты отчужденного труда - «тоталитарный универсум технической рациональности» [Маркузе, 2002; 284]. Данная ситуация нашла отражение в понятии «индустрия культуры», предложенным в «Диалектике просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера [Адорно, Хоркхаймер, 1997]. Он означал, что в массовом обществе продуктом индустрии являются не только результаты производства, но и культура. Она точно так же производится на «фабриках», являясь по своему содержанию клишированной, стереотипизированной, иллюзорной и не отвечающей на главные вопросы бытия человека, а значит, чуждой ему. Эта традиция была воспринята и советскими социальными философами в 1960-х гг. Такие учёные, как Г. Ашин,

В. Глазычев, Б. Грушин, Ю. Давыдов, Е. Карцев, А. Кукаркин, Г. Оганов, Г. Шестаков, и другие [Ашин, 1983; Ашин, 1996; Кукаркин, 1977; Шестаков, 1988], создали работы, где массовая культура рассматривалась как «индустрия» культуры, основной функцией которой выступает манипуляция массовым сознанием.

Принципиально изменяется трактовка массовой культуры в постсоветское время, когда в работах К. Разлогова [Разлогов, 1986; Разлогов, 1992], Е.Г. Соколова [Соколов, 2001], А.Я. Флиера [Флиер, 1998] этот тип культуры начинает рассматриваться, как популярный, выполняющий функции рекреации и психологической защиты, как формирующий определенные каналы коммуникации для циркуляции социально важной информации и создающий определенную социальную гомогенность, адаптируя смыслы сложной специализированной культуры через популярный контент к массовому сознанию.

Примерно таким же образом складывалась судьба понятия «элитарная культура». Первоначально этот тип культуры начинает осознаваться тогда, когда массовая культура начинает вполне определенно проявлять свои качества. В этот момент единственным оплотом подлинной культуры, способной противостоять процессам омассовления, представляется элитарная культура. Ее смысл первоначально означал максимальную сложность и удаленность от массовой культуры, и соотносился с тем искусством, которое не может быть подвергнуто процедурам превращения в массовое. Именно об этом писал Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 1991], говоря о принципиально не популярном искусстве – то есть, о таком, которое не может оказаться доступным пониманию широкого потребителя, не станет востребованным, не будет оказывать воздействия на массовое сознание. Это искусство философ назвал «дегуманизированным» - иначе говоря, лишенным той реальности, которая привычна человеку и в которой человек и его проблемы любви, ревности, измены, отчаяния, предательства занимают ведущее место.

В совокупности этих значений элитарная культура пребывала достаточно длительное время. Прежде всего, элитарное рассматривалось как нечто недостижимое, закрытое для понимания непосвященных. Кроме того, ее коннотации соотносились с искусством в большей степени, нежели с культурой в целом. Хотя против такого понимания культуры как искусства по преимуществу, в том числе, массовой и элитарной, выступали известные отечественные философы Н.С. Злобин [Злобин, 1980] и В.М. Межуев. Они полагали, что материалистическое понимание культуры состоит «не в том, чтобы наряду с духовной культурой признать наличие материальной культуры, и даже не в том, чтобы в любом культурном образовании усматривать наличие как духовного, так и материального начала» [Межуев, 1977, 71]. Необходимость такого понимания требует необходимости «объяснения культуры как целостного во всех своих проявлениях материалистического образования» [Межуев, 1977, 72].

Между тем, содержательно эти феномены – принципиально различные по своим функциям – рядом исследователей отождествлялись по такому критерию, как способность отражать интересы народа. И первая, направленная на манипуляцию сознанием, развлекательная и гедонистическая, и вторая, искусственная и принципиально не реалистичная, получили определение «антинародных», чуждых по своему содержанию чаяниям народа. Эта позиция нашла отражение в статье известного советского социального философа Г.К. Ашин «Ложная дилемма буржуазной культурологии (Элитарная и «массовая» культуры)» [Ашин, 1983].

Перелом в отношении к элитарной культуре наступил одновременно с пересмотром понимания массовой культуры – в 1990-е гг. [Костина, 2006]. В это время элитарная культура начинает рассматриваться как высоко специализированная, сложная для постижения не

приобщенных к определенному знанию, требующая долгого «посвящения», обладающая особым языком и вырабатывающая собственные семиотические коды для передачи смыслов: «элитарная культура выступает как инициативное и продуктивное начало в любой культуре, выполняя преимущественно творческую функцию в ней; в то время как массовая культура шаблонизирует, рутинизирует, профанирует достижения элитарной культуры, адаптируя их к восприятию и потреблению социокультурным большинством общества» [Кондаков, 1998, 386]. На первый взгляд все это напоминает культуру закрытых тайных обществ. Однако все эти качества вполне приложимы к науке, которая обладает высокой специализацией знания, требующего длительной подготовки и овладения им, вырабатывающая систему знаков для передачи законов математики, физики, химии и всех иных наук. Именно это качество – а именно, высокая концентрация информации (научной, художественной, религиозной) – имелось в виду автором статьи, определившим в своих работах этот тип культуры как «специализированный» [Костина, 2010].

Примерно те же закономерности можно выявить и в отношении такого понятия, как «народная культура». И эта многозначность обусловлена привязкой к объекту обозначения – понятию «народ». Известный российский антрополог В.С. Малахов определяет народ как «историческую общность людей, понимаемую как в политическом, так и в культурно-этническом смысле. В 1-м значении термин «Народ» подразумевает всё население страны или её граждан (в последнем значении он синонимичен понятию гражданской нации), во 2-м – этнической общности (греч. ἔθνος, нем. Volk). В исторической литературе термин «Народ» часто означает также низшие, непривилегированные слои (сословия), простонародье, и подразумевает оппозицию «Народ и власть», «Народ и дворянство» и т.п.» [Малахов, 2004]. Многозначность этого понятия, тем не менее, предполагает, что народ – в любом из значений – предполагает большинство. Соответственно, принадлежность к народной культуре предполагает идентификацию с народом как общностью, с его ценностями, с его исторической судьбой. Именно поэтому понятие «народная культура» в отечественной исследовательской традиции всегда имела положительные коннотации - «совсем особый, метафизический смысл, в котором соединялось и представление об определенном комплексе социально-нравственных черт – генотипе русского человека, и видение его в качестве носителя широко понимаемой русской идеи, великой драматической судьбы, большой духовной потенции и т.д.» [Народная..., 2004, 26-27].

Постепенное исчезновение в конце XIX - начале XX веков крестьянской культуры и доминирование городской в таких ее формах, как ярмарочные гуляния, раешный народный театр, лубочная графика, сентиментальный (жестокий) романс, нашедших воплощение в произведениях И. Стравинского, А. Блока, Б. Кустодиева, М. Добужинского, привело к активному сбору крестьянского фольклора – былин, лирической и обрядовой песенности - развитию этнографии, появлению фольклористики.

Однако в период активного революционного строительства и вплоть до 1950-х гг. именно понятие «народ», соотносящееся с патриархальностью, было фактически заменено понятиями «масса» и «культура масс» [Каргин, Хренов, 1993], означающими сплоченность, идейность, активность («пролетарская масса», «революционная масса»).

Характерно, что к 1960-1970-м гг., к периоду «хрущевской оттепели», интерес к простонародному существенно усилился, а понятие «культура масс» стало не актуальным. Именно в этот период начинается активная критика в адрес массовой культуры, а сама оппозиция «народ - масса» будет означать фактически противоположную смысловую

опозицию, где «народная культура» предстает как отечественная, освященная самой историей, а «массовая культура» - как буржуазная, западная, чуждая.

Заключение

Таким образом, можно обобщить, что в контексте изменяющейся социальной реальности меняется и рамка представлений о мире, которая как раз позволяет выявить то актуальное, что соотносится со всей совокупностью ценностей, образуя некое смысловое поле той или иной эпохи, тот контекст, который высвечивает определенные значения явлений общественной сферы и феноменов культуры. Этот тезис отражает характер функционирования таких понятий, как массовая, элитарная, традиционная культура, сменяющих коннотации на рубеже эпох, в переломные периоды истории. Для XX века такими точками бифуркации стала Октябрьская революция 1917 г., когда понятие «народ» стало наделяться значениями, связанными с патриархальностью, и было заменено на понятие «революционная / пролетарская масса». Соответственно, культура масс рассматривалась, как творчество народа, как позитивный социальный феномен, означающий освобождение творческого начала каждого трудящегося.

Вторая эпоха связана с периодом формирования развитого индустриального общества конца 1960-х гг., когда стало очевидно, что масса – это огромная стихийная сила, жестокая в своей анонимности и ощущении безнаказанности. Соответственно, буржуазная массовая культура и на Западе, и в Советском Союзе начинает рассматриваться, как манипуляционный феномен, как средство оглушения и управления массами, как явление гедонистическое и антинародное по своему существу. К 1970-м гг. советские философы принимают формулу «массовое – элитарное как ложная дилемма» буржуазной философии, показывая чуждость и первой и второй советской культуре. В то же время, именно 1960-е гг. стали основанием для «новой фольклорной волны», «деревенской прозы», и в целом возрождением интереса к традиционной народной культуре, легитимировав и само понятие.

В 1990-е, постперестроечные годы, вместе с изменением идеологического контекста изменяется и отношение к этим типам культуры, и их трактовка. Массовая культура начинает рассматриваться как форма, способствующая налаживанию связей между тремя типами культуры; элитарная – как сложная специализированная культура; народная культура – как воплощающая в себе опыт и значения, накопленные в России в ходе исторического развития.

Хотя, конечно, все эти понятия обретают в рамках каждого из периодов множество коннотаций, требующих отдельного исследования.

Библиография

1. Адорно Г., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. Ашин Г. Ложная дилемма буржуазной культурологии (Элитарная и «массовая» культуры) // Вопросы философии. 1983. № 7. С. 149-158.
3. Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М.: Международные отношения, 1966. 60 с.
4. Душенко К. История знаменитых цитат. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
5. Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980. 303 с.
6. Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. М., 1993. 162 с.
7. Кондаков И.В. Элитарная культура // Культурология. XX век. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. С. 385-389.
8. Костина А.В. Народная, элитарная и массовая культура в современном социокультурном пространстве: структурно-типологический подход // Обсерватория культуры. 2006. № 5. С. 96-109.

9. Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 144 с.
10. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
11. Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета. М.: Политиздат, 1977. 400 с.
12. Малахов В.С. Народ // Большая Российская энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. Т. 22. 766 с.
13. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания: К дискуссиям в современной постпозитивистской философии науки. М.: Наука, 1987. 125 с.
14. Маркузе Г. Эрос и цивилизация; Одномерный человек. М.: АСТ, 2002. 526 с.
15. Межуев В.М. Культура и история. М.: Политиздат, 1977. 199 с.
16. Народная культура в современных условиях. М., 2000. 219 с.
17. Огурцов А.П. Парадигма // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
18. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. М.: Радуга, 1991. 638 с.
19. Парадигма // Философия: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
20. Разлогов К.Э. Художественный процесс и потребности человека в искусстве // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 84-93.
21. Разлогов К.Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? М.: Искусство, 1992. 271 с.
22. Розанов В.В. Сочинения. Л., 1990. 574 с.
23. Соколов Е.Г. Аналитика масскульта. СПб., 2001. 276 с.
24. Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 138-148.
25. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 571 с.
26. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. 222 с.

Sociocultural conditionality of cognition: ideology and science

Anna V. Kostina

Vice-Rector for Scientific, Educational and International Activities,
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow University for the Humanities,
111395, 5, Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

Abstract

The article shows that the question of the socio-cultural conditionality of cognition is constantly raised, both in a theoretical way, acting as an element of sociology and philosophy of science, and in an ordinary pragmatic way, being connected with the issues of the engagement of certain ideas and the dependence of the views of a scientist on his social position. The author reveals the laws of the development of science as a social phenomenon, shows the conditionality of ideas and positions dominating in society, the socio-cultural situation in which they are proclaimed. During the XX – beginning of the XXI century, the socio-political context had a direct impact on such concepts as mass, elite, folk culture. Mass culture was initially interpreted as the culture of the proletarian masses, during the 1960s and 1970s, as a means of manipulating consciousness and distracting from solving urgent social problems, after the 1990s – as forming communication channels. The values of elite culture are transformed accordingly – from high and complicated, saving culture from massing – to bourgeois and alien to the people, and then – as specialized and complicated. Folk culture at the beginning of the XX century is regarded as something of super-value, after 1917 – as

patriarchal, opposing the culture of the proletarian masses, since the 1960s – as a set of high samples of national heritage.

For citation

Kostina A.V. (2022) Sotsiokul'turnaya obuslovlennost' poznaniya: ideologiya i nauka [Sociocultural conditionality of cognition: ideology and science]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 104-113. DOI: 10.34670/AR.2022.55.75.013

Keywords

Mass culture, popular culture, elite culture, sociology of knowledge, social conditionality of science.

References

- Adorno G., Horkheimer M. (1997) *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow-St. Petersburg: Medium, Yuventa Publ.
- Ashin G. (1983) Lozhnaya dilemma burzhuaznoi kul'turologii (Elitarnaya i «massovaya» kul'tury) [False dilemma of bourgeois cultural studies (elite and “mass” culture)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 7, pp. 149-158.
- Ashin G.K. (1966) *Mif ob elite i «massovom obshchestve»* [The myth of the elite and “mass society”]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
- Dushenko K. (2018) *Istoriya znamenitykh tsitat* [History of famous quotes]. Moscow: Azbuka-Attikus Publ.
- Flier A.Ya. (1988) Massovaya kul'tura i ee sotsial'nye funktsii [Mass culture and its social functions]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 6, pp. 138-148.
- Fromm E. (2004) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. Man for Himself]. Moscow: AST Publ.
- Kargin A.S., Khrenov N.A. (1993) *Fol'klor i krizis obshchestva* [Folklore and the Crisis of Society]. Moscow.
- Kondakov I.V. (1988) Elitarnaya kul'tura [Elite culture]. In: *Kul'turologiya. XX vek* [Culturology. XX century]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. Vol. 2.
- Kostina A.V. (2006) Narodnaya, elitarnaya i massovaya kul'tura v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve: strukturno-tipologicheskii podkhod [Folk, elite and mass culture in the modern socio-cultural space: a structural-typological approach]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 5, pp. 96-109.
- Kostina A.V. (2010) *Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki* [The ratio of tradition and creativity as the basis of socio-cultural dynamics]. Moscow: LIBROKOM Publ.
- Kuhn T. (2003) *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST Publ.
- Kukarkin A.V. (1977) *Po tu storonu rastsveta* [On the other side of bloom]. Moscow: Politizdat Publ.
- Malakhov V.S. (2004) Narod [People]. In: *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ. Vol. 22.
- Mamchur E.A. (1987) *Problemy sotsiokul'turnoi determinatsii nauchnogo znaniya: K diskussiyam v sovremennoi postpozitivistskoi filosofii nauki* [Problems of socio-cultural determination of scientific knowledge: Towards discussions in modern post-positivist philosophy of science]. Moscow: Nauka Publ.
- Marcuse H. (2002) *Eros i tsivilizatsiya; Odnomernyi chelovek* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man]. Moscow: AST Publ.
- Mezhuev V.M. (1977) *Kul'tura i istoriya* [Culture and history]. Moscow: Politizdat Publ.
- (2000) *Narodnaya kul'tura v sovremennykh usloviyakh* [Folk culture in modern conditions]. Moscow.
- Ogurtsov A.P. (1983) Paradigma [Paradigm]. In: *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
- Ortega y Gasset H. (1991) «Degumanizatsiya iskusstva» i drugie raboty [“Dehumanization of Art” and other works]. Moscow: Raduga Publ.
- (2006) Paradigma [Paradigm]. In: *Filosofiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki Publ.
- Razlogov K.E. (1986) Khudozhestvennyi protsess i potrebnosti cheloveka v iskusstve [The Artistic Process and Human Needs in Art]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 8, pp. 84-93.
- Razlogov K.E. (1992) *Kommertsiya i tvorchestvo: vragi ili soyuzniki?* [Commerce and creativity: enemies or allies?]. Moscow: Iskusstvo Publ.

-
23. Rozanov V.V. (1990) *Sochineniya* [Works]. Leningrad.
 24. Shestakov V.P. (1988) *Mifologiya XX veka: Kritika teorii i praktiki burzhuaznoi «massovoi kul'tury»* [Mythology of the 20th century: Criticism of the theory and practice of bourgeois “mass culture”]. Moscow: Iskusstvo Publ.
 25. Sokolov E.G. (2001) *Analitika masskul'ta* [Mass culture analytics]. St. Petersburg.
 26. Zlobin N.S. (1980) *Kul'tura i obshchestvennyi progress* [Culture and social progress]. Moscow: Nauka Publ.